

А.В. Шубин*

**ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА УКРАИНЕ 1918–1919 гг.
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Статья посвящена французской интервенции на Украине осенью 1918 – весной 1919 гг. Автор рассматривает события в Северном Причерноморье, частично оккупированном войсками Антанты, в контексте российско-украинских реалий времён революции и Гражданской войны, которые, как оказалось, в основном препятствовали успеху интервенции. В статье показано, что стремление французского руководства быть организатором и гарантом послевоенного мирового порядка сталкивалось с собственной политической традицией Франции, усталостью французов от войны и неожиданными для них социально-политическими и военными обстоятельствами в регионе.

Ключевые слова: интервенция, оккупация, Франция, Гражданская война, Россия, Украина, Бессарабия, Белое движение, А. Деникин, Н. Григорьев

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-315-339

История французской интервенции на Украине конца 1918 – начала 1919 гг. находится на пересечении нескольких парадоксальных сюжетных линий. Одна из сильнейших армий Европы, только что одолевшая грозного германского противника, терпит поражение от слабо организованных повстанцев, которые явно уступали германской военной машине; представители российских элит пытаются на краю русской ойкумены под защитой иностранных штыков спастись от вынужденной эмиграции; нация, гордая своими революционными и демократическими традициями, пытается подавить революцию и насадить диктатуру в другой стране. Причины этих парадоксов нужно искать на пересечении французской политической культуры и российско-украинских реалий времен Гражданской войны.

Французская усталость и загадочная Россия

Настроения французского общества конца 1918 г. выражались двумя понятиями – усталость и ответственность. Французы уста-

---

* Александр Владленович Шубин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ли от затянувшейся тяжелой войны и эйфорически радовались наступившему миру, причем миру победному. Но оборотной стороной победы была ответственность за послевоенное мироустройство, где Франция вместе с Великобританией и США сохранили бы гегемонию, гарантировав Европу от нового кровопролития. Усталость препятствовала проведению новых военных операций, ответственность требовала их, чтобы завершить дело победы.

Вызов новому миропорядку бросила Советская Россия. Как пишет историк А.А. Вершинин, «Антанта, разгромив своего главного врага на полях Первой мировой, готовилась с новыми силами вмешаться в Гражданскую войну в России»¹. Но где было взять эти «новые силы»? Интервенция могла оказаться успешной, если бы для свержения большевизма хватило лишь слабого толчка. Если из Парижа большевизм мог казаться неустойчивым, привнесенным извне явлением, то внимательный французский наблюдатель отмечал его глубокую укорененность в российскую традицию. Сотрудник французской военной миссии в России и добрый католик П. Паскаль, проникшийся симпатией к русской культуре и революции, писал в мае 1918 г.: «Пасхальная полуночная служба. Вместе с товарищами иду наудачу в Кремль... Мы прошли, не раскрывая рта, как, впрочем, и вся публика; миновали несколько постов охраны, и вот – Успенский собор... Это Россия. И солдатская масса, воины Красной армии со звездочками на фуражке, острижены по уставу, серьезные и суровые – даже вон тот, несомненно командир, поскольку при сабле, во френче с тесным, широко расстегнутым воротником – все это православная Россия в новой форме»². Загадочная российская традиция лежала в основе революционных событий и, может быть, даже вызвала их. Непривычность ее форм для французского глаза заслоняла явное сходство происходившего в России с событиями французской истории.

Даже П. Паскаля ужасал начатый большевиками «красный террор»: «Террор? Дарси вернулся из Петрограда, там он два дня отсидел в Петропавловской крепости: до 20 (человек) в камере-одиночке, дышать трудно (на минутку открывали дверь), прогулок не было. Заключение таким же образом русским давали пищу в воскресенье и больше ничего до вечера четверга, и притом за свои

¹ Вершинин А.А. *Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919-1923 гг.)*. К истокам французского коммунистического движения. М., 2012. С. 40.

² Паскаль П. *Русский дневник 1916-1918*. Екатеринбург, 2014. С. 473-474.

деньги. Зрелище “приличных” людей, набрасывающихся на еду, как животные. Сейчас арестованные французы имеют отдельное снабжение, постель и т.д. <...> За ночь, проведенную там, Дарси насчитал 29 вызовов на расстрел»³. Доходя до Парижа, эти сведения вызывали возмущение. Новый дивный послевоенный мир, за который теперь отвечала Франция, не мог быть совместим с этим ужасом.

И это был аргумент в пользу интервенции даже для демократов и социалистов. А.А. Вершинин приводит такой эпизод 1919 г.: «19 февраля с высокой трибуны заседания одной из парижских секций соцпартии Рендель и Самба фактически оправдали интервенцию, возложив на большевиков ответственность за “ужасную бойню”, которая происходила на территории бывшей Российской империи, и прямо обвинив их в установлении диктатуры и организации террора. “Но у нас самих разве не было террора в [17]93 г.?” – послышался из зала вопрос с явным намеком на якобинский период Французской революции. “Никто не может сравнивать революцию, произошедшую более 100 лет назад, и те события, которые мы наблюдаем сейчас в России. Люди с тех пор изменились”»⁴. Но изменились даже не все французы, и половина социалистов Франции смотрела теперь на Москву как на новую землю обетованную.

Революция стала зеркалом для французской политической культуры, на фундаментальном уровне которой находятся 14 июля и «Марсельеза». Воевать против революции, которая явно походила на французскую и даже сознательно куталась в ее словесные одежды («комиссары», «трибуналы» да и сам «террор»), это значило бросать вызов собственным ценностям. И столетняя дистанция ничего не меняла, ведь Россия считалась страной отсталой, и она только сейчас созрела до того состояния, которое Франция переживала в конце XVIII в. А история свидетельствовала, что в те времена революционный народ одерживал победы над контрреволюционными армиями. И это было предостережением против интервенции.

Таким образом, отношение к российской революции и интервенции раскалывало французскую общественность на фундаментальном уровне. Радикальные демократы и социалисты видели в

³ Там же. С. 552.

⁴ Вершинин А.А. Указ. соч. С. 40.

позиции современной Франции возвращение к контрреволюционной традиции. Но и с прагматической стороны вторгаться в этот растревоженный муравейник было крайне рискованно – большевики уже показали, что не падут от слабого толчка. Опыт же Французской революции подсказывал, что они так или иначе вернуться на путь мировой цивилизации. Если правы демократы и российская революция аналогична французской, то наступит термидор. Если верны представления правых, то возьмет верх российская традиция, которая переварит большевизм, и он останется в российских пределах.

Величие Франции как одного из гарантов нового порядка требовало скорее символического, чем полномасштабного вмешательства, а также поддержки «сил термидора» в случае, если эту роль смогут выполнить белые генералы. Не лишним было также приобретение военных баз на Черноморском побережье, пока не урегулированы вопросы выплаты российского долга, раздела Османской империи и определения границ на Балканах.

Французская ответственность и гражданская война на Украине

После начала революции в Германии большевики 13 ноября денонсировали Брестский мир, но медлили с вторжением на территории, занятые Центральными державами. Зачем нападать на австро-германских оккупантов, если они и так уйдут, лишив своей поддержки марионеточные режимы в Прибалтике и Украине. Промедление с продвижением на Украину вызвало протесты лидера левого крыла Украинской коммунистической партии (большевиков) Г. Пятакова, который с санкции Москвы уже формировал на территории России Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 23 ноября Г. Пятаков взывал из Курска И. Сталину: «Считаю Вашей обязанностью объяснить Ильичу всю недопустимость создавшегося положения. Перед всеми мы берем на себя колоссальные обязательства. Сил нам никаких не дают. Если считаете украинскую борьбу важной, надо сделать выводы. Нам не только не дают сил, берут отсюда. Положение отчаянное. Нужно же действительно серьезно отнестись к делу. Скажите Вацетису, пусть даст сил, оружие, обмундирование, иначе катастрофа неизбежна»⁵.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 22. Л. 51.

Но в полемике с Пятаковым и другими левыми коммунистами весной – летом 1918 г. Ленин проникся скепсисом в отношении повстанческого вспышкопускательства, если оно не подкреплено действиями хорошо организованной Красной армии⁶. А части РККА для похода на Украину нужно было выделить с других направлений. Пока что более важными были бои против Войска Донского.

Промедление с началом советского похода на Украину в ноябре – декабре 1918 г. дало шанс на успех другой силе. 13 ноября Украинский национальный союз как наследник Центральной рады создал Директорию Украинской народной республики (УНР) во главе с левым социал-демократом В. Винниченко. В нее также вошли С. Петлюра, Ф. Швец, А. Макаренко и А. Андриевский. Военными силами Директории – гайдамаками, командовал правый социал-демократ С. Петлюра.

14 ноября Директория провозгласила восстание против «наильника и узурпатора» гетмана П. Скоропадского. Украинское крестьянство поддержало повстанцев. На сторону УНР переходили гетманские командиры. 14 декабря гетман бежал, и 17 декабря гайдамаки вошли в Киев. Теперь и Советской власти, и Антанте предстояло иметь дело не с дискредитированным гетманом, а с более популярной УНР.

27 октября, еще до победы в Первой мировой войне, Ж. Клемансо дал распоряжение главнокомандующему союзных армий на Ближнем Востоке генералу Л. Франше д'Эспере готовить операции на юге России. В штаб командующего французским контингентом в Румынии А. Бертелло прибыл его старый знакомый, бывший фактический командующий Румынским фронтом, а теперь представитель А. Деникина генерал Д. Щербачев. Он, как ему показалось, договорился о скорейшем выдвигении войск Антанты в Киев, Харьков, Донбасс и на Кубань. Под прикрытием союзников на этой территории должна была формироваться русская армия для наступления на Москву⁷. Как говорилось в секретном докладе «Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования», изданном Управлением генерал-квартирмейстера Штаба главнокомандующего Вооруженными силами

⁶ Подробнее см. *Солдатенко В. Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 204–238.

⁷ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования // Архив русской революции. Т. 16. М., 1993. С. 234.

Юга России (ВСЮР), командующий Деникин считал, что для выполнения этой задачи достаточно 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий Антанты, которые «ни в каких активных действиях участвовать не будут и лишь обеспечат операции русских армий»⁸. Правда, до мая 1919 г. армия Деникина так и не развернула серьезного наступления в сторону Украины и Москвы. Деникин ждал расширения интервенции, а интервенты не собирались участвовать в «активных действиях».

По соглашению еще от 23 декабря 1917 г. лидирующее место в интервенции на Украине заняла Франция, а Великобритании была выделена сфера влияния восточнее. К французам присоединились греки, сербы и другие контингенты Антанты. Это создало сначала незаметную, но затем все более серьезную проблему. Армия генерала Деникина, претендовавшего на руководство всеми антисоветскими силами на Юге России, находилась в сфере влияния Великобритании. Пользуясь поддержкой британцев, Деникин считал себя вправе распространить свою власть и на сферу действия Франции, что в ее планы не входило. Формально соглашаясь с необходимостью единства действий антисоветских сил, французы не собирались отдавать руководство военно-политическому центру, находившемуся в британской сфере влияния.

23 ноября – 14 декабря союзники высадились в Новороссийске, Севастополе, Николаеве, Феодосии и Одессе. Главным пунктом французской интервенции стала Одесса. 7–10 декабря французский десант занял порт и часть Николаевской набережной с гостиницей «Лондонской». «Углубляться в город и способствовать сохранению в нем порядка и безопасности мирных граждан наши доблестные союзники не пожелали»⁹, – сетует свидетель В. Маевский.

12 декабря город был занят силами УНР, которым не оказали сопротивления ранее контролировавшие его австро-германские и гетманские войска. 14 декабря гетман П. Скоропадский бежал, и Украина оказалась в основном под контролем УНР. По мнению историка В.А. Савченко, таким образом «у французской армии исчез не только союзник, но и цель “экспедиции в Украину”»¹⁰. Действительно, если после поражения Германии Скоропадский

⁸ Там же. С. 236.

⁹ Маевский В. Осень 1918 г. на Украине // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 371, 374.

¹⁰ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2005. С. 110.

уже не очень настаивал на независимости Украинской державы, то для УНР это было делом принципа, что осложняло ситуацию – ведь Деникин и другие белые генералы категорически выступали за единую и неделимую Россию. Но вот цели интервенции никуда не исчезли, потому что она была направлена против большевизма. Зато теперь французским военным приходилось выбирать между популярным в странах Антанты принципом самоопределения наций и союзом с Белым движением.

Для начала было решено опираться на Белое движение. Под прикрытием французского флота белый отряд А. Гришина-Алмазова атаковал войска УНР в Одессе. Завязались бои. Французское командование потребовало от УНР очистить город, и по настоянию военного руководителя УНР С. Петлюры Директория согласилась вывести свои войска, занявшие позиции в 40 км к северу от города. Директория была заинтересована в сближении с Антантой, у которой надеялась получить если и не признание независимости, то хотя бы помощь в предстоящей борьбе с большевиками.

Французский консул в Одессе Э. Энно поддерживал Белое движение, и способствовал назначению Гришина-Алмазова военным губернатором. Деникин хотя и был недоволен этим самоуправным назначением, но санкционировал его.

В целом в регионе высадилось около 60 тыс. интервентов (включая и гражданских лиц)¹¹. В феврале 1919 г. в районе Одессы находилось около 25 тыс. французских и греческих военных при 22 танках, 12 тыс. греков, польский добровольческий легион в 2 тыс. штыков. Части 40-го румынского корпуса числом в 1 тыс. штыков прикрывали Одессу со стороны Днестра. Отдельная Одесская стрелковая бригада генерала Н. Тимановского имела еще 3300 штыков и 1600 сабель¹². Всего же на довольствии в штабе Одесского военного округа стояло около 10 тыс. человек¹³. Офицеры не торопились вступать в полевые части, предпочитая найти место в тылу.

Жителей и гостей Одессы смущало, что значительную часть французского контингента составляли африканцы, явно не приспособ-

¹¹ *Рогачевский А.* Пинхас Рутеберг в Одессе (по британским архивным материалам) // Всемирный клуб одесситов. Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах: Сборник. Одесса, 2007. Т. 28. С. 68.

¹² *Савченко В.А.* Указ. соч. С. 115.

¹³ *Кефели Я.* С генералом Шварцем в Одессе (осень 1918-го – весна 1919 года // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 361.

собленные для ведения войны зимой в этих широтах, тем более что зима выдалась холодная и непривычно снежная для Новороссии.

Первоначально настроение французских войск было довольно оптимистичным. В. Майбородав, назначенный гражданским помощником к французскому офицеру, командовавшему направленным к северу от Одессы подразделением, писал: «Командир Жэ – старый африканский служака, не дурак выпить, любитель поухаживать, очень внимателен по отношению к русским офицерам. Остальная компания офицеров в том же духе; кормят великолепно, пьют еще того лучше; все веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли в Россию, и думают двигаться дальше по направлению к Киеву. Одним словом, настроение очень бодрое, и все довольны, что на их долю выпало счастье быть первыми при восстановлении порядка в России»¹⁴.

В начале января генерал Бертело выступил с воззванием, в котором заявил, что «войска союзников направляются к вам для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность»¹⁵. Эти довольно размытые лозунги мало что объясняли.

С нового года группировку французских войск на Украине возглавил генерал Ф. д'Ансельм, который потребовал от украинских войск отойти за линию Тирасполь – Раздельная – Березовка – Николаев – Херсон. Командование УНР подчинилось.

Между тем Деникин продолжал натравливать Антанту на УНР, очевидно рассчитывая на слабую осведомленность французского руководства о местных реалиях. 5 января он писал Бертело: «Петлюровское движение выливается постепенно в форму определенного большевизма, в результате чего перед нами может возникнуть новый большевистский фронт, борьба против которого будет еще сложнее»¹⁶. Однако французы не поверили в отождествление УНР и большевизма. Когда стало ясно, что французское руководство не соглашается с оценками Деникина, тот принялся критиковать французов за некомпетентность: «Опасение шовинизма со стороны Русского командования по отношению к населению Украины и намерение укомплектовать формируемые части местными уроженцами лишний раз подчеркивает, насколько недостаточно Французское командование в Одессе ориентировано в обстановке.

¹⁴ Майбородав В. С французами // Архив русской революции. Т. 16. М., 1993. С. 102-103.

¹⁵ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 239

¹⁶ Там же. С. 238.

Русское офицерство, ясно отдавая себе отчет в происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым она составляет одно целое. Вместе с тем в некоторых самостоятельных кругах, находящих поддержку в многочисленных австрийских и германских агентах, естественно стремление создания особых украинских войск, и, как ни странно, этот план, противный идее воссоздания Единой могущественной России, что, казалось бы, наиболее соответствует интересам Французского народа, находит сочувствие и поддержку у Французского командования»¹⁷. После всплеска популярности украинской национальной идеи осенью 1918 г. такие откровения генерала убеждали французов в его великорусском шовинизме и оторванности от украинской реальности.

А. Фрейденберг (Фредамберг), начальник штаба генерала Ф. д'Ансельма, считал белых непопулярными реакционерами и не верил в их успех. Белые отвечали ему взаимностью и обвиняли Фрейденберга в коррупции. После эвакуации французов из Одессы эти обвинения даже стали предметом официального расследования, но не получили подтверждения¹⁸.

7 февраля генерал д'Ансельм и его начальник генштаба Фрейденберг объявили, что «Франция и ее союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны»¹⁹. Таким образом, интервенция проводилась под лозунгами восстановления порядка и территориальной целостности России, а не демократии и права народов на самоопределение. Такая идеология вмешательства была существенно правее даже официальной позиции Антанты в ее недавнем противостоянии Центральным державам. Это также не добавляло оккупантам популярности – в том числе и на Украине. Украинские националисты не относили себя к упомянутым в обращении «патриотам России».

Для лидеров УНР это был сильный политический удар, но они не отказались от переговоров с французским руководством, так как в январе 1919 г. Красная армия вошла на Украину. И тут вы-

¹⁷ Там же. С. 242.

¹⁸ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. М., 1993. С. 81.

¹⁹ Революция на Украине по мемуарам белых. М.-Л., 1930. С. 313.

яснилось, что на определенных условиях французы готовы отойти от принципа «единой и неделимой».

Д'Ансельм и Фрейденберг настаивали на устранении представителей левых партий из Украинской директории, передаче Франции контроля над железными дорогами и финансами Украины и проведении аграрной реформы с выплатой компенсации собственнику. Директория отвергла это грубое вмешательство в дела непризнанного государства, но переговоры продолжила. От ее имени их вел С. Остапенко.

В условиях начавшегося 1–2 января 1919 г. наступления Красной армии и развала фронта Антанта оставалась последней надеждой на спасение для лидеров УНР. 9 февраля социал-демократы отозвали своих представителей из Директории, надеясь таким образом облегчить достижение соглашения с Антантой. Социал-демократ Винниченко покинул Директорию и вскоре уехал за границу. Новую же Директорию возглавил С. Петлюра, который вышел из УСДРП, чтобы не ассоциироваться с социализмом. 13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром С. Остапенко. Теперь у него на руках были все козыри, чтобы достичь соглашения с французами. В переговорах участвовали также генерал А. Греков и К. Мациевич.

Продолжение переговоров само по себе означало частичное признание де факто права УНР контролировать часть территории Украины – Малороссию, тогда как Западную Новороссию французское руководство надеялось контролировать само с помощью зависимых от него русских властей. «Французы разработали политический план, по которому Украина временно делилась на две части: собственно Украина, управляемая Директорией, и Южнорусский край во главе с собственным правительством, при условии оккупации этого региона французскими войсками. В Южнорусском крае французы предполагали создать смешанную армию из французо-русско-украинских частей и взять под свой контроль железные дороги и финансы»²⁰, – пишет историк В. А. Савченко. То есть тот план, который первоначально французские представители надеялись осуществить во всей Украине, теперь осуществлялся лишь в Новороссии. Произошел негласный раздел сфер влияния с УНР. Не давая формального согласия на отделение Новороссии от Украины, представители УНР пошли на отвод своих

²⁰ Савченко В. А. Указ. соч. С. 112-113.

войск к линии Тирасполь — Бирзула — Вознесенск — Херсон. Таким образом, раздел Украины осуществлялся де факто, что создавало возможность для дальнейшего сотрудничества Франции и УНР. Однако такой компромисс не устраивал двух важных игроков – генерала Деникина и атамана Григорьева.

Французское командование планировало создание бригад из уроженцев Украины с французскими инструкторами. Эти бригады должны были формироваться на добровольной основе и подчиняться командованию белых только в оперативном отношении. Это категорически не устраивало Деникина, и 8 февраля он запретил командовавшему белыми войсками в Одессе генералу А. Санникову участвовать в подобных «экспериментах». Помимо желания сохранить за собой руководство Белым движением на Юге России во всей полноте, командующий Добровольческой армии к тому времени уже был противником исключительно добровольного набора в армию и настаивал на принципе мобилизации.

Тем временем Красная армия при поддержке местных сторонников Советской власти успешно вела наступление на Украине. 4 января 1919 г. был создан Украинский фронт во главе с Антоновым-Овсеенко, который был нацелен на Донбасс и вел военные действия против белых. Правобережную Украину занимать пока не планировалось²¹. Если бы Украинская республика была устойчива, большевики вели бы сражения с белыми, а она пока оставалась бы в стороне. Но волна восстаний против Директории привела к тому, что ось наступления Украинского фронта отклонилась далеко на запад. 6 февраля красные вошли в Киев.

Тогда же на сторону Красной армии перешел атаман Никифор Григорьев. В 1918 г. он участвовал в создании украинской армии, служа и Центральной раде, и гетману, при котором стал полковником. Но господство немцев на Украине не устраивало Григорьева, как и большинство украинцев. По указанию Петлюры он ушел со службы гетману и вскоре поднял восстание в Херсонщине, где партизанил до самого ухода немцев. В декабре 1918 г. атаман контролировал почти всю Херсонщину, но за исключением портов Украины, занятых силами Антанты.

Атаманы УНР были автономны и являлись всевластными хозяевами над территориями, которые контролировались их войсками. Поэтому, когда УНР согласилось с контролем Антанты над Се-

²¹ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921 гг. СПб., 2002. С. 167.

верным Причерноморьем, это непосредственно ущемило интересы Григорьева. Пока уступки касались Одессы, он еще сохранял спокойствие, так как в том регионе действовал генерал УНР Греков. Но 25 декабря 1918 г. при попытке Григорьева взять у немцев Николаев его отряд был обстрелян артиллерией английского крейсера «Консарбери». 10 января 1919 г. григорьевцы отбили у белых Херсон.

Однако французы высадились 25 января 1919 г. в Николаеве, а 29–30 января – в Херсоне. Они сохранили здесь гражданскую власть городских дум, довольно левых по своему политическому составу, и структур Директории УНР. Но сам Григорьев при этом потерял весьма «лакомый кусок». Григорьевцы оказали оккупантам сопротивление, но были выбиты и из Николаева, и из Херсона. Командование УНР запретило атаману впредь нападать на союзников, что возмутило Григорьева. Он объявил себя сторонником советской власти и 2 февраля 1919 г. договорился с представителями красного комдива П. Дыбенко о вступлении своего отряда в РККА – пока на правах бригады в составе Первой Заднепровской дивизии. Бригада Григорьева составляла 6–10 тысяч бойцов, что казалось не слишком значительной силой в сравнении с мощным контингентом Антанты.

Город у моря

Центром зоны французской оккупации в Северном Причерноморье была Одесса. Она стала тем местом, где на своем пути в эмиграцию задержались обломки старой российской элиты. Здесь старая Россия пыталась регенерироваться под защитой интервентов, чтобы затем вернуться домой.

Население этого портового города и ранее представляло собою довольно специфический социум, где международная торговля порождала смешение культур, особые формы преступности и раскованность умов. Повседневная жизнь подобного социума плохо совмещалась с режимом жесткой военной диктатуры, которую пытались насадить в Одессе белые.

Историки В.В. Михайлов и А.С. Пученков пишут: «Установление в Одессе в декабре 1918 г. режима военной диктатуры генерала А.Н. Гришина-Алмазова стало для белого главнокомандующего А.И. Деникина сюрпризом сомнительного свойства. Присоединение Одессы, хотя и соответствовало идее объединения Южной России, но, по признанию Деникина, “осложняло еще более тяже-

лое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбу большого города, обложившего неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное – города с крайне напряженной политической атмосферой”. Тем не менее трехцветный национальный флаг был поднят над Одессой, и Деникин утвердил назначение Гришина-Алмазова в качестве военного губернатора города, что было воспринято в Екатеринодаре неоднозначно. Личность военного губернатора была совершенно никому не известна, о его прошлом ходили самые противоречивые слухи... смушал Деникина и “революционный” способ назначения одесского диктатора. Особенно Антон Иванович опасался одесского сепаратизма, проявлявшегося в том, что местные общественные группы стремились образовать особое Южнорусское правительство»²².

Чувства Деникина и его окружения действительно были противоречивы, но в их мотивировке заметна некоторая неискренность. Первоначально ответственность белых за город была невелика: его прикрывала победоносная французская армия. Зато через Одессу можно было получить огромные военные запасы, а из ее региона – живую силу путем мобилизации в Новороссию. Большевикам в случае успешного продвижения французов и белых мог быть нанесен удар с юго-запада, что существенно улучшило бы положение, в котором находилась Добровольческая армия. Но появление нового, не слишком подконтрольного Екатеринодари, военного лидера белых и перспектива создания еще одной армии, альтернативной Добровольческой, вызвали у Деникина чувство ревности, вылившееся в стремление управлять Одессой с Кубани. А это уже нарушало границы той сферы влияния Франции, которую последняя намеревалась отстаивать в ходе интервенции.

Недоброжелатель Гришина-Алмазова, В. Гурко пишет о нем, отражая мнение части белых политических кругов, успешно «копавших» под губернатора: «Обладая несомненной энергией и некоторыми организационными способностями, он был авантюрист в душе и, к сожалению, отличался необузданными страстями. Этим страстям, попав в главенствующее положение в Одессе, он дал полную волю. Предался он совершенно недопустимым органи-

---

²² Михайлов В.В., Пученков А.С. Борьба политических направлений в Одессе в дни французской интервенции // ВИ. 2012. № 6. С. 93.

ям и тем утратил всякое обаяние как в городе, так и перед французским командованием прибывших в Одессу союзных войск»²³.

К тому же, «отношения главнокомандующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина с французским командованием в Одессе почти с самого начала были осложнены тем, что он настойчиво просил направить в различные населенные пункты войска, которых в распоряжении французов попросту не было»²⁴, – считает А. Рогачевский. В целом контингент Антанты в Северном Причерноморье был весьма значительным, но сдвигать его восточнее французское командование не собиралось. Его интересовала собственная зона контроля. По той же причине д'Ансельм препятствовал стремлению Деникина получить из Одессы не только отдельных добровольцев, но и вообще перекинуть формирующиеся здесь подразделения восточнее²⁵. Это совсем не устраивало французов, надеявшихся, что в их зоне влияния возникнет боеспособная русская армия.

Хотя 17 марта 1919 г. Одесса была объявлена на осадном положении, общественная жизнь здесь была ключом. Легально действовали антисоветские политические организации, прежде всего центристский Союз возрождения России и право-либеральные Совет государственного объединения России и Национальный центр. Подчинение Деникину поддерживал Национальный центр, другие организации надеялись на создание в Новороссии самостоятельного очага антисоветского движения. Городская дума имела социалистическое большинство. Таким образом, идея установления в Одессе власти Деникина и его представителей не пользовалась в городе популярностью.

Администрация Гришина-Алмазова контролировала Одессу очень относительно: в городе действовали влиятельные банды. Хотя Гришин-Алмазов санкционировал бессудные расстрелы заподозренных в уголовных преступлениях, наиболее известного одесского бандита Мишку Япончика и его сподручных извести так и не удалось.

Нелегально действовали сторонники Советской власти – большевики, выпускавшие газету «Коммунист» на русском и французском языках (тираж только франкоязычной версии газеты доходил

²³ Гурко В. Указ. соч. С. 76.

²⁴ Рогачевский А. Указ. соч. С. 69.

²⁵ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 241.

до 7 тыс. экземпляров), левые эсеры, анархисты и максималисты. Они пользовались любой возможностью, чтобы вести агитацию среди солдат интервентов, в том числе на французском языке. ВЧК перебросила в Одессу коммунистов, свободно владевших французским языком, – Ж. Лябурб, М. Штиливерка, Ж. де Лафара и др. Также в Одессу прибыли агитаторы сербы, поляки и румыны. Лафар работал в штабе д'Ансельма. Для пропаганды среди иностранных солдат была создана Иностранная коллегия подпольного обкома РКП (б) во главе с И. Смирновым. Почти все члены Иностранной коллегии были схвачены и расстреляны 2 марта.

Деникин между тем предпринимал шаги к установлению более прочного контроля над Одессой. «Проглотив» назначение Гришина-Алмазова, Деникин 15 января 1919 г. урезал его полномочия, назначив главнокомандующим Юго-Западного края (Херсонской губернии) генерала А. Санникова. Деятельность Гришина-Алмазова и Санникова вызывала недовольство французской администрации. Справиться с проблемами перегруженного города они не могли. Но не это было самым важным: они подчинялись Деникину, заинтересованному в вербовке офицеров в свою армию, в переправке их из Одессы на Кубань и Дон. А у французов были другие планы.

Прибывший в Одессу 20 марта генерал Франше д'Эспере остался недоволен ходом дел и руководством Гришина-Алмазова. У д'Ансельма, Фрейденберга и местных деятелей, особенно из Совета государственного объединения, возникла идея заменить Гришина-Алмазова на генерала А. Шварца, который будет формировать в Одессе белую армию, независимую от Деникина. Франше д'Эспере обещал ему передвинуть из Румынии (на самом деле Бессарабии) в район Бирзулы корпус Бертело, прислать в Одессу греческий корпус и 9 батальонов «чернокожей пехоты»²⁶. Это означало бы существенное расширение интервенции, и такие решения генерал не мог принять без согласования с политиками в Париже. Но обещать мог.

21 марта Гришин-Алмазов был заменен генералом Шварцем и выслан из Одессы вместе с Санниковым. Как писал В. Гурко, «командование Добровольческой армии признало тем не менее произведенную смену за открытый бунт и недопустимое умаление ее авторитета»²⁷. Французы проигнорировали это недовольство.

²⁶ Кефели Я. Указ. соч. С. 361–362.

²⁷ Гурко В. Указ. соч. С. 77.

При д'Ансельме был создан Совет (Комитет) обороны, в который вошли такие общественные и политические деятели, как бывший гетманский волынский губернатор Д. Андро, правый социалист П. Рутенберг, бывший одесский городской голова М. Брайкевич. Хотя высшая власть принадлежала командующему, они принялись руководить Одессой. В городе распространялись слухи о коррупции новой власти. Уже после эвакуации Рутенберг публично обвинял в коррупции Андро, являвшегося гражданским советником д'Ансельма²⁸.

Как свидетельствует В. Майбородов, «магазины были завалены товарами, как вновь привезенными из-за границы, так и выгашенными из укромных мест, куда они были припрятаны»²⁹.

Одесса, как и многие другие города, страдала тогда от продовольственного кризиса. Войска УНР, а затем Григорьев блокировали подвоз продовольствия с севера. Город же был переполнен беженцами, что создавало дефицит продуктов и дороговизну. Даже в зоне французской оккупации крестьяне не продавали хлеб за деньги, требуя в обмен товары, например сахар. В Николаеве и Херсоне сахар был, как и готовность обменять его на нефть, которую при наличии товаров можно было получить в Батуме. Поставщиков нефти тоже интересовали не деньги, а товары³⁰. Таким образом, режим белых в Одессе сталкивался с теми же проблемами бартеризации обмена, что и Советская власть с ее нерыночной идеологией. Это говорит о том, что распад хозяйственных связей определял экономическую ситуацию независимо от идеологии режима. Положение Одессы могло оказаться несколько предпочтительнее, чем у других городов, благодаря ее стратегическому значению. Пока Антанта была заинтересована в ней, оккупантам приходилось обеспечивать снабжение города. Но лидеры Антанты не могли определиться, насколько им нужна Одесса.

Интервенты и белые попытались было проводить реквизиции продовольствия у селян Одесского уезда, однако в ответ крестьяне 20 февраля 1919 г. восстали, взяв Овидиополь и Тирасполь.

П. Рутенберг в беседе с британским консулом Г. Куком обсуждал возможность закупок продовольствия в Курдистане и возобновления работы фабрик, что позволило бы сократить безработи-

²⁸ Рогачевский А. Указ. соч. С. 71.

²⁹ Майбородов В. Указ. соч. С. 115.

³⁰ Рогачевский А. Указ. соч. С. 66.

цу: «Он подчеркнул важность решения проблемы с безработицей во имя поддержания порядка, а также ради производства товаров, с помощью которых можно получить зерно из Крыма, поскольку иначе крестьяне не хотят расставаться с имеющимися у них запасами»³¹. Однако для осуществления этих мер требовалось время и активная помощь оккупантов – транспортом, деньгами и сырьем.

Но Франция и ее союзники не спешили тратиться на Одессу и на скопившиеся в ней осколки старой России. В. Маевский писал: «И кого только не было в эти памятные дни в этом шикарном убежище? <...> Укрывались в нем недавние царские министры и генералы, высшие сановники рухнувшей империи и известные артисты (Фигнер, Смирнов, Собинов), знаменитые писатели (Бунин, Чириков, Аверченко), оперные (Липковская) и кинематографические звезды (Вера Холодная), финансовые тузы (Монташев, Путилов, Лианозов) и прочие дельцы. <...> А в глубине Одессы уже свободно неистовствовали разгульные банды»³².

Несмотря на тяжелые социальные условия, Одесса стала одним из центров российской кинематографии. Сюда прибыло киноателье Д. Харитонова со знаменитой актрисой В. Холодной. В Ялте и Одессе ими было снято 4 фильма. Холодная давала благотворительные концерты и в то же время контактировала как с французским командованием, так и с агентами большевиков, которые пытались использовать ее знакомство с Фрейденбергом³³. 16 февраля 1919 г. Холодная умерла от испанки. Ее похороны прошли при огромном стечении народа. Эта трагедия хоть и оставила свой след в истории мировой культуры, в действительности была лишь одной из многих в неустроенной и эклектичной обстановке Одессы. Генерал Гурко вспоминал:

«В Одессе я застал приблизительно ту же картину, которую оставил там месяца за три перед тем, а именно ту же “Лондонскую” гостиницу, гудевшую с утра до позднего вечера бесчисленным множеством самых разнообразных обломков прежнего строя, стекшихся сюда из различных местностей России. <...> Петроградский бомонд, гвардейское офицерство, множество южных землевладельцев, пред-

³¹ Там же.

³² Маевский В. Указ. соч. С. 374.

³³ Капчинский О. Агент из «Мирографа». Одна из первых секретных операций советской разведки // Родина. № 1. 2002. С. 74–75.

ставители местного, искони космополитического общества, бывшие крупные и средние чиновники; спекулянты, банкиры, дамы полусвета – всё здесь перемешалось и даже слилось. Здесь многие проводили за яствами и питием долгие часы; здесь изобретались, передавались и распространялись весьма противоречивые, но преимущественно оптимистического свойства разнообразные слухи, среди которых внезапно раздавались панические ноты.

Эти две крайности были типичной чертой беженской жизни, беженской психологии. Между “гром победы раздавайся” и “раутуйте” переходных степеней не было. В общем же жилось весело и беспечно. Деньги, казалось, утратили всякую ценность <...> Группа гурманов затеяла устройство особо тонких гастрономических обедов, оплачиваемых какой-то фантастической суммой. Шла безумная игра, даже принимая в расчет обесценение денежных знаков: проигрывались в одну ночь десятки тысяч украинских, да и сохранивших еще ценность романовских денег <...> На ролях крупье видны были офицеры, украшенные боевыми знаками отличия, на ролях соблазнительниц еще вчера безукоризненные женщины. Нищета разоренных, еще вчера состоятельных, а не то и богатых людей уже явственно проступала. На улицах встречались знакомые, которым “Лондонская” и ей подобные гостиницы уже были недоступны: они ютились чуть не по постоянным дворам и по снимаемым в частных квартирах отдельным комнатам»³⁴.

Эта картина дополнялась разложением скукавших в Одессе французских военнослужащих: «Французские солдаты вели себя на улицах плохо, ходили небрежно одетыми, очень часто пьяные, на главных улицах приставали к прохожим женщинам среди бела дня»³⁵.

Подобный социум являл собой неприглядное зрелище. У окупантов естественно возникал вопрос: и это мы должны защищать? За эту Россию платить своими жизнями? Сам вид одесской действительности демотивировал войска интервентов. Конечно, если бы армия быстро продвинулась вперед, деморализующий одесский социум остался бы в глубоком тылу, и в нем, может быть, даже стала бы налаживаться нормальная жизнь. Но продвигаться вперед армия интервентов не очень-то хотела и не очень-то могла.

³⁴ Гурко В. Указ. соч. С. 75-76.

³⁵ Майбородав В. Указ. соч. С. 125.

Генеральное отступление

В конце февраля 1919 г. французы еще достаточно спокойно поддерживали режим оккупации на подконтрольной им части Украины. Однако с переходом Григорьева на сторону Советской власти соприкосновение с дружественными Антанте войсками Директории было утрачено, и на месте демаркационной линии возник фронт.

Боевые действия велись в основном вдоль железных дорог. 20 февраля французские войска выбили григорьевцев из Вознесенска. Однако вскоре Григорьев его отбил. «Частям Антанты пришлось создавать протяженный фронт вдоль железной дороги Николаев – Херсон, выведя на позиции до 8 тысяч солдат, 20 пушек, 18 танков, 4 броневика, 5 самолетов. Против сил Антанты Григорьев мог выставить только около 6 тысяч плохо вооруженных крестьян-повстанцев с 8 пушками»³⁶.

Но готовность сражаться у григорьевцев и у солдат Антанты была совершенно разной. 2–10 марта Григорьев разгромил греческий батальон и ворвался в Херсон. Отправленные на помощь грекам французские войска не захотели воевать, и Херсон пришлось оставить. В нем Григорьев захватил 6 орудий, около 100 пулеметов, 700 винтовок. «Греческие войска в боях за Херсон потеряли более 300 солдат и офицеров убитыми и пленными (каждого восьмого солдата), причем большинство пленных были расстреляны григорьевцами, хотя греческие солдаты и капитулировали на милость победителя»³⁷. Было убито около 70 пленных. Эта расправа вызвала ужас перед «красным варварством», что сказалось на настроении греков в последующих боях.

12 марта Григорьев без боя вступил в Николаев, где, по поручению союзного командования, находился немецкий гарнизон, договорившийся с красными об эвакуации. Обескураженное неудачей французское командование попыталось организовать 14 марта контрнаступление под Вознесенском, но потерпело неудачу. Интервенты отошли к Березовке в 53 км от Одессы.

Григорьев в это время получал всю возможную поддержку со стороны командующего Украинским фронтом Антонова-Овсеенко. 17 марта он докладывал в Реввоенсовет: «Силы Директории в разложении, “добровольцы” слабы, союзники в замешательстве.

³⁶ Савченко В.А. Указ. соч. С. 116.

³⁷ Там же. С. 116-117.

Энергичное наступление на запад и на Одессу крайне желательно, имеет сейчас все шансы на успех»³⁸. 29 марта Антонов-Овсеенко телеграфировал командующему группой войск Харьковского направления А. Скачко: «Заставьте понять Дыбенко: Крым второстепенен. Нельзя разбрасываться, поддержите одесское направление. К западу положение требует скорейшей ликвидации Одессы»³⁹.

Однако «ликвидировать Одессу» силами Григорьева было возможно только при условии ухода из нее оккупантов, группировка которых в это время составляла 3500 французских и 15 тыс. греческих солдат. Сложилась патовая ситуация – интервенты не могли продвинуться вглубь Украины, а у красных не было достаточно сил, чтобы взять Одессу штурмом.

Перед союзниками возникла альтернатива: либо вывод войск, либо резкое усиление интервенции. Однако в условиях послевоенной военно-политической дестабилизации войска Антанты требовались во многих местах – от Венгрии до Турции. Нужно было расставлять приоритеты. Грекам было гораздо важнее победить Кемалю в Турции, чем большевиков на Украине. Французы, призванные в армию во время мировой войны, и вовсе не желали воевать. Более решительно были настроены профессиональные солдаты из Африки, но для них оказался слишком тяжелым местный климат. Союзники по Антанте скептически относились к продолжению интервенции. Оценив итоги боев и результаты миссии Франше д'Эспере, Совет четырех (руководители государств Антанты Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, В. Вильсон и В. Орландо) принял 27 марта 1919 г. принципиальное решение об эвакуации французских войск из Одессы. 29 марта об этом объявили публично. Французская палата депутатов проголосовала за прекращение финансирования французских военных операций в России.

Последние бои с Григорьевым происходили в условиях уже начавшейся эвакуации, что не способствовало стойкости войск Антанты. 3 апреля произошел бой у Березовки, где союзники занимали укрепленные позиции, имея 2 тыс. солдат, 6 орудий и 5 танков «Рено». По версии информаторов Добровольческой армии, когда в тылу позиции интервентов «раздалась беспорядочная стрельба»,

³⁸ Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922 гг.). Сб. док. в 4 т. Т. 2. М., 1972. С. 185.

³⁹ Там же. С. 193.

французы и греки дрогнули и побежали. Эта версия получила распространение и в литературе⁴⁰. Однако В. Майбородов, который во время боя находился непосредственно в Березовке, рисует более сложную картину происшедшего:

«В это время под горой что-то зашумело. Оказывается, заработали танки. И, пустив в ход моторы, как какие-то гигантские черепахи, поползли на северо-восток от станции <...> При виде танков большевики бежали, и нападение их было приостановлено. В то же время на позициях, которые были приготовлены на севере от станции по обеим сторонам железной дороги, все время шла оживленная перестрелка <...> Под видом сопровождения раненых были просто ушедшие с позиций, особенно много было греков. На это обратили внимание, и, найдя какого-то офицера, Шантепи стал требовать от него, чтобы он отвел своих людей на прежние места. Шантепи кричал и горячился, греческий офицер беспомощно развел руками, а в это время на перроне и вблизи станции солдат появлялось все больше и больше <...> Вдруг кто-то из русских офицеров-переводчиков, прибежав на станцию, крикнул: “Большевики занимают передние вагоны” <...> Сообщение прибежавшего офицера подтвердилось. Майор Жеро вызвал роту пулеметчиков и, расположив ее перед самой станцией, открыл огонь по вагонам. Ко мне подошел лейтенант Шантепи и сказал мне: не теряйте меня из виду, мы сейчас уходим <...> На перекрестке двух дорог мы встретились с батальоном греков, <...> вся дорога их отступления была усеяна бросаемыми ими предметами снаряжения – валялись каски, одеяла, патронташи и т.д.»⁴¹.

Таким образом, поражение интервентов стало результатом не внезапной паники, а упорного натиска красных и нежелания солдат Антанты, прежде всего греков, рисковать жизнью. То, что называется «боевым духом», решило исход этого боя в гораздо большей степени, чем соотношение численности и технической оснащенности войск. Солдаты Антанты неохотно сражались на этой непонятной «войне после войны». А начавшаяся эвакуация подстегнула отступающих. В свою очередь, поражение у Берёзовки побудило французское командование ускорить эвакуацию и проявить готовность договориться с «Советами» о своем беспрепятственном уходе из Одессы.

⁴⁰ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 249; Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 2007. С. 244–246.

⁴¹ Майбородов В. Указ. соч. С. 130–132.

Эвакуация Одессы, о которой было объявлено вечером 2 апреля, проводилась в ускоренном порядке, почти панически. Власть передавалась Совету рабочих депутатов, с которым французы договорились о предоставлении им возможности беспрепятственно уйти. Отплытие затруднялось забастовкой русских моряков коммерческого флота, оставивших свои пароходы без команд. Беженцы толпами прорывались на корабли и в некоторых случаях вынуждены были брать на себя работу матросов и механиков.

6 апреля Григорьев с триумфом вступил в Одессу. Там ему достались запасы снаряжения и провианта, часть которых он раздал населению, что еще выше подняло его популярность. Подводя итог операции, начальник штаба Украинского фронта В. Глаголев писал 17 апреля начальнику полевого штаба Реввоенсовета: «Бывшие в Одессе французские части определенно не хотели драться, греческие не имели хорошего командования, румын почти не было, добровольцы были неорганизованны»⁴².

К 29 апреля интервенты оставили также Севастополь и другие приморские города Северного Причерноморья. Сухопутные войска Антанты и белые отошли за Днестр. Однако история интервенции в этом регионе не завершилась: Бессарабия, ранее входившая в состав Российской империи, осталась оккупирована румынскими войсками, а ее аннексия Румынией не была признана в Москве.

Вскоре после эвакуации из Одессы, но еще до ухода оккупантов из Севастополя в истории французской интервенции случился новый драматичный поворот – восстание на флоте. В апреле возник заговор во главе с инженером-механиком А. Марти, будущим видным коммунистом, на миноносце «Проте», находившемся в гавани румынского Галаца. Моряки-леваки планировали захватить корабль и перегнать его в Одессу, но заговор был раскрыт, и Марти арестован.

16 апреля начались волнения французских военных моряков, переросшие 19 апреля в столкновения матросов и офицеров на линкорах «Жан Бар» и «Франс». Матросы высадились в Севастополе и провели совместную демонстрацию с революционно настроенным населением. Греческие войска открыли огонь по демонстрации. К восстанию присоединились линкоры «Жюстис», «Мирабо», «Вольтер», крейсера «Дю Шела», «Вальдек-Руссо» и другие корабли, стоявшие в Севастополе и шедшие из Одес-

⁴² Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922 гг.). Т. 2. С. 194.

сы. Восставшие выдвинули как социально-бытовые (улучшение питания и др.), так и политические требования (возвращение во Францию). Волнения были окончательно подавлены только по возвращении во Францию в мае⁴³. Известный историк Э. Хобсбаум даже решил, что «во время гражданской войны в России 1918–1920 годов восстание на французских военных кораблях в Черном море явилось причиной прекращения французской военной интервенции против большевиков»⁴⁴. Это очень поверхностный взгляд: как мы видели, решение о прекращении интервенции было принято еще до восстания и по более глубоким причинам.

С весны 1919 г. Франция начала постепенно уходить из Восточной Европы, теряя там влияние, несмотря на те возможности, которые открыли перед ней итоги Первой мировой войны. Война ослабила готовность французов отстаивать силой свои позиции в Европе. Начавшись на Украине в 1919 г., стратегическое отступление Франции с востока Европы будет продолжаться все последующие два десятилетия.

Список литературы

- Вершинин А.А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923 гг.). К истокам французского коммунистического движения. М.: URSS, 2012. [Vershinin A.A. Mirovaya revolyuciya pod zvuki «Marsel'ezu» (1919–1923 gg.). K istokam francuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya. M.: URSS, 2012].
- Гурко В.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. М.: Terra, 1993. [Gurko V. Iz Petrograda cherez Moskvu, Parizh i London v Odessu // Arhiv russoj revolyucii. T. 15. M.: Terra, 1993].
- Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сборник документов в 4 томах. Т. 2. М.: Военное издательство министерства обороны, 1972. [Direktivy komandovaniya frontov Krasnoj armii (1917–1922 gg.). Sbornik dokumentov v 4 tomah. T. 2. M.: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony, 1972].
- Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918–1921 гг. СПб.: Полигон, 2002. [Kakurin N.E., Vacetis I.I. Grazhdanskaya vojna 1918-1921 gg. SPb.: Poligon, 2002].

⁴³ *Марти А.* Красный флаг над Французским флотом (Черноморское восстание). М.-Л., 1928; *Ле Рамей Ж., Ваттеро П.* Восставшие на Черном море. М., 1976.

⁴⁴ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914-1991. М., 2004. С. 71.

- Капчинский О.* Агент из «Мирографа». Одна из первых секретных операций советской разведки // Родина. № 1. 2002. [Karchinskij O. Agent iz «Mirografa». Odnа iz pervyh sekretnyh operacij sovetskoj razvedki // Rodina. № 1. 2002].
- Кефели Я.* С генералом Шварцем в Одессе (осень 1918-го – весна 1919 года // 1918 год на Украине. М.: Центрполиграф, 2001. [Kefeli YA. S generalom Shvarcem v Odesse (osen' 1918-go – vesna 1919 goda // 1918 god na Ukraine. M.: Centrpoligraf, 2001].
- Ле Рамей Ж., Воттеро П.* Восставшие на Чёрном море. М.: Прогресс, 1976. [Le Ramej Zh., Vottero P. Vosstavshie na Chyornom more. M.: Progress, 1976].
- Майбородов В.* С французами // Архив русской революции. Т. 16. М.: Terra, 1993. [Majborodov V. S francuzami // Arhiv russoj revolyucii. T. 16. M.: Terra, 1993].
- Марти А.* Красный флаг над Французским флотом (Черноморское восстание). М.,–Л.: Московский рабочий, 1928. [Marti A. Krasnyj flag nad Francuzskim flotom (Chernomorskoe vosstanie). M., L.: Moskovskij rabochij, 1928].
- Маевский В.* Осень 1918 г. на Украине // 1918 год на Украине. М.: Центрполиграф, 2001. [Maevskij V. Osen' 1918 g. na Ukraine // 1918 god na Ukraine. M.: Centrpoligraf, 2001].
- Михайлов В.В., Пученков А.С.* Борьба политических направлений в Одессе в дни французской интервенции // Вопросы истории. 2012. № 6. [Mihajlov V.V., Puchenkov A.S. Bor'ba politicheskikh napravlenij v Odesse v dni francuzskoj intervencii // Voprosy istorii. 2012. № 6].
- Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования // Архив русской революции. Т. 16. М.: Terra, 1993. [Ocherk vzaimootnoshenij Vooruzhennyh sil YUga Rossii i francuzskogo komandovaniya // Arhiv russoj revolyucii. T. 16. M.: Terra, 1993].
- Паскаль П.* «Русский дневник 1916–1918». Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. [Paskal' P. «Russkij dnevnik 1916 – 1918». Ekaterinburg: GONZO, 2014].
- Революция на Украине по мемуарам белых. М., Л.: Госиздат, 1930. [Revolyciуa na Ukraine po memuaram belyh. M., L.: Gosizdat, 1930].
- Рогачевский А.* Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам) // Всемирный клуб одесситов. Дерibasовская – Ри-

- шельевская: Одесский альманах: Сборник. Одесса, 2007. Т. 28. [Rogachevskij A. Pinhas Rutenberg v Odesse (po britanskim arhivnym materialam) // Vsemirnyj klub odessitov. Deribasovskaya – Rishel'evskaya: Odesskij al'manah: Sbornik. Odessa, 2007. T. 28].
- Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. [Savchenko V.A. Avanturyisty grazhdanskoj vojny. M.: AST; Har'kov: Folio, 2000].
- Савченко В.А.* Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2005. [Savchenko V.A. Dvenadcat' vojn za Ukrainu. Har'kov: Folio, 2005].
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914—1991. М.: Независимая Газета, 2004. [Hobsbaum E. Epoha krajnostej. Korotkij dvadcatyj vek 1914—1991. M.: Nezavisimaya Gazeta, 2004].
- Шамбаров В.* Белогвардейщина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. [Shambarov V. Belogvardejshchina. M.: Algoritm, Ehksmo, 2007].
- Этапы большого пути. М.: Воениздат, 1962. [Ehtapy bol'shogo puti. M.: Voenizdat, 1962].

Alexander V. Shubin

THE FRENCH INTERVENTION IN UKRAINE OF 1918-1919 IN CONTEXT OF THE RUSSIAN REVOLUTION

The article is devoted to the French intervention in Ukraine, which took place in autumn 1918 – spring 1919. The author considers the events in the Northern Black sea region, where the intervention took place, in the context of the Russian-Ukrainian realities of the revolutionary and civil war epoch, which mainly hindered the success of the intervention. The article demonstrates that the desire of the French leadership to be the organizer and guarantor of the post-war world order came into conflict with political tradition of France, the fatigue of the war and unexpected socio-political and military circumstances in the region.

Keywords: intervention, military occupation, France, Civil war, Russia, Ukraine, the White movement, A. Denikin, N. Grigoriev